

Опубликовано: Великий А.Ф., Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории: вып. 6 (специальный): материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей», Пятигорск, 16-18 апреля 2004 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – С.146-154.

Ключевые слова: Польский комитет национального освобождения (ПКНО), Польша, БССР, переселение, польское подполье, межнациональные отношения, белорусы, поляки, белорусско-польское пограничье, граница.

Межнациональная напряженность в белорусско-польском пограничье. 1944-1946 гг.

Освобождение Белоруссии летом 1944 г. принесло белорусскому народу не только долгожданный мир, но и значительные территориальные изменения, существенно повлиявшие на демографическую ситуацию, а также на состав и численность населения западного региона Белоруссии. Это было связано с определением белорусско-польского участка советско-польской границы. 27 июля 1944 г. правительство СССР подписало с Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО) временное соглашение о новой советско-польской границе, в соответствии с которым к Польше отходила часть территории БССР - Белосточчина и три района Брестской области. 9 сентября 1944 г. правительство БССР и ПКНО подписали соглашение о переселении польского населения с территории Белоруссии в Польшу, а белорусского - из Польши в БССР. События, связанные с переселением населения в обоих направлениях достаточно полно отражены в работах белорусских и польских историков. Гораздо менее исследованы причины национальной напряженности между белорусами и поляками, имевшие место в белорусско-польском пограничье до и во время переселенческой акции.

Обострение национальной напряженности было связано главным образом с деятельностью польского подполья, которое, подчиняясь лондонскому эмигрантскому правительству, не хотело признавать факта воссоединения Западной Белоруссии с БССР и стремилось к восстановлению досентябрьской границы Польши. Исходя из этого все те, кто не разделял точку зрения подполья, в Белосточчине, где компактно проживало около 135 тыс. белорусов, так и в западном регионе БССР, рассматривались как враждебный элемент.

На Белосточчине, с точки зрения подполья, белорусы являлись той общественной силой, на которую опиралась в 1939-1941 гг. советская власть, а в годы войны - советские партизаны. Само существование белорусов на Белосточчине создавало для советской стороны, пусть даже и

гипотетическую, но возможность для объединения этого региона с БССР.¹ В условиях сталинского режима технически это было осуществимо. Поэтому действия подполья были направлены не только против создаваемых структур и функционеров ПКНО, но и против белорусского населения.

Деятельность подполья против белорусов проявлялась в разных формах и имела разные последствия. Одной из важнейших задач подполья являлось стремление заставить белорусов покинуть Польшу и выехать в БССР. Для этого использовались как угрозы, в деревнях с компактным белорусским населением распространялись листовки, в которых приказывалось белорусам немедленно уезжать за линию Керзона, так и репрессивные акции с уничтожением населения. Так, староста Бельск-Подлясского повета в январе 1946 г. сообщал Белостокскому воеводе, что "в д. Шпаки (гмина Вышки) были разбросаны листовки с обращением к белорусскому населению, чтобы оно не протяжении 14 дней выехало из Польши. В случае невыезда - все они будут уничтожены".² Если угроза не "действовала", то подполье от угроз переходило к действиям. Так, главный уполномоченный СНК БССР по переселению в Польшу И.Круглик сообщал в ЦК КП(б)Б: "22 сентября 1945 г. в д. Романовка Семятичского повета бандиты убили белоруса А.Филимонюка, который готовился к выезду в БССР. 21 октября 1945 г. банда в количестве 150 человек окружила белорусскую деревню Студянка. При этом убивали население, забрали у крестьян, которые готовились к эвакуации 22 лошади, 15 подвод, несколько голов крупного рогатого и мелкого скота".³ Акции подполья неизбежно вели к человеческим жертвам. Так, в 1945 г. в Белостокском воеводстве было "убито 229 белорусов и ограблено 256 хозяйств. Кроме этого у белорусского населения бандами были отобраны сотни голов скота, сотни тысяч денег, одежда, продовольствие".⁴

Деятельность подполья была настолько сильной, что заставила белорусскую делегацию при подписании дополнительного белорусско-польского протокола от 25 ноября 1945 г. настоять на внесении дополнительного параграфа, в котором от польской стороны требовалось "создать необходимые условия для работы уполномоченных белорусского правительства на польской территории по регистрации белорусов, желающих выехать из Польши в БССР, обеспечить охраной личную безопасность как уполномоченных, так и эвакуирующегося населения в БССР и населения, которое эвакуируется из БССР в Польшу".⁵

¹ E.Mironowicz Białorusini w Polsce.1944-1949.-Wyd. Naukowe PAN, Warszawa, 1993.- S.140

² Sprawy narodowosciowe i wyznaniowe na Białostocze, 1944-1948: W ocenie władz Rzeczypospolitej Polskiej. Wybor dokumentow: Sytuacyjne sprawozdania woewody Białostockiego w Białymstoku oraz Powiatowych starostow Białostockiego, Bielspodlaskiego i Sokolskiego w latach 1944-1948 / Zebr. G.Sosna.-Ryboły, 1996.- SS.71, 74

³ НАРБ, ф.789, оп.1, д.5, л.25

⁴ НАРБ, там же, л. 26

⁵ НАРБ, ф.789, оп. 1, д.26, л.49

Тем не менее, несмотря на борьбу с подпольем, которую вели органы НКВД совместно с частями Красной Армии акции в отношении белорусов и уполномоченных СНК БССР в Польше не прекращались. За все время переселения (1944-1946 гг.) жертвами подполья стало свыше 500 белорусов, зарегистрированных на переезд в БССР. Кроме этого было убито 8 и ранено 15 уполномоченных СНК БССР по переселению. Свыше 1000 белорусских семей были ограблены по дороге в БССР.⁶

Отношение белорусского правительства к этой проблеме отличались двойственностью и непоследовательностью. С одной стороны, оно не могло не реагировать на факты террора как против переселенцев, так и уполномоченных СНК БССР. С другой - значительно занизило человеческие и материальные потери, понесенные белорусами. Так, в записке министра иностранных дел БССР К.Киселева, направленной в мае 1947 г. заведующему IV Европейским отделом МИД СССР А. Александрову сообщалось, что во время переселения 5 уполномоченных СНК БССР были убиты, два ранены, а 283 хозяйства на пути в БССР были ограблены. В связи с этим правительство БССР потребовало от правительства Польши компенсировать ущерб потерпевшим в размере 10 млн. рублей. Семьям убитых уполномоченных польское правительство должно было выплатить денежную компенсацию и выплачивать пенсию за потерю кормильца.⁷ Однако анализ итогового протокола, подписанного белорусской и польской сторонами об окончании срока переселения (май 1947 г.), не содержит пунктов о материальной компенсации за потери понесенные белорусами. Неизвестно согласилось ли, а если согласилось, то выплатило ли правительство Польши в полном объеме компенсацию белорусам. Не вполне объяснимой является позиция К.Киселева, который значительно занижил количество убитых и ограбленных белорусов во время переселения. Он как заместитель Председателя СМ и одновременно Министр иностранных дел БССР обладал полной информацией о количественных и материальных потерях белорусов во время переселения. Возможно предположить, что недостоверная информация, направленная в Москву обуславливалась нежеланием обострять и усложнять отношения Москвы и Варшавы.

Напряженность между поляками и белорусами была так же обусловлена проводимой политикой ПКНВ в национальном вопросе. Стержневым в этой политике являлось создание в Польше однопольского государства. В связи с этим, как это ни парадоксально звучит, два непримиримых политических лагеря (польское эмигрантское правительство и польские коммунисты), придерживающиеся противоположных взглядов на послевоенное государственное развитие Польши, оказались едины в одном. Белорусы как национальное меньшинство должны были или покинуть Польшу, или стать "православными поляками",

⁶ НАРБ, ф.4, оп. 29, д.258, л.284

⁷ Архив Министерства иностранных дел РБ, ф.907, оп. 7, д.112, л. 17

т.е. выразить полную лояльность новому режиму и отказаться от национальных устремлений.

С этой точки зрения симптоматична декларация от 1944 г. Совета национального единства - подпольного парламента, состоявшего из 4-х партий, поддерживавших лондонское польское правительство. В части, посвященной национальным меньшинствам, было обозначено, что признание их прав после войны напрямую зависело от их верности государству и позитивного отношения к правам и интересам польского народа, что автоматически ставило поляков в позицию народа-суверена по отношению к другим народам.⁸ В то же время такие партии, как партия польских социалистов, пытались (не всегда успешно) ответить на этот и другие вопросы, относительно национальных меньшинств. Они начали связывать идею решения национального вопроса с демократизацией жизни и реализацией планов политического самоуправления в стране, где национальным меньшинствам должно было быть предоставлено полное и равное участие в рамках польской национальной государственности. Такую же позицию в вопросе о национальных меньшинствах занимало и людовское движение.⁹

Несколько иных, более осторожных, подходов придерживались польские коммунисты, которые также видели послевоенную Польшу мононациональным государством. Осторожность объяснялась условиями войны с немцами, где главным врагом для всех национальностей выступали гитлеровцы и коммунисты расширяли круг своих сторонников за счет представителей национальных меньшинств. В первом программном заявлении ППР подчеркивалось, что в Польше, за которую они сражаются, "будет равенство и братское сотрудничество всех народов". Однако это, равно как и другое принципиальное положение польских коммунистов, представленное в ноябрьской декларации ППР (1943 г) в дальнейшем исчезло из программных документов ППР. Оно отсутствовало в Манифесте демократических социально-политических и военных организаций (15 декабря 193 г.), в декларации Крайовой Рады Народовой (1 января 1944 г.), в Манифесте ПКНО (1944 г.). В них речь шла о возвращении Польше ее исторических земель на западе и возвращении украинских, белорусских и литовских земель советской Украине, Белоруссии и Литве "согласно с волеизъявлением населения, во имя принципа самоопределения наций".¹⁰

Практическим осуществлением идеи польских коммунистов, в частности, явилось переселения населения. Характерно, что одним из первых шагов ПКНО явилось подписание ряда договоров, в том числе и с БССР, о

⁸ Милиякова Л. Польша на пути к моноэтническому государству (1918-1947 гг.) /<http://www.history.mchaon.ru/all/number.13/analit4/milyakova/index.html>

⁹ Милукова Л. Указ. соч.

¹⁰ Л.Милиякова, Указ. соч.

переселении польского населения из западных областей Белоруссии в Польшу, а белорусского из Польши в БССР.

Идея построения мононационального государства нашла поддержку на уровне воеводских и повтовых властей. Так, белостокский воевода С. Дыбовский в отчете о состоянии дел в августе 19445 г. так охарактеризовал ситуацию на Белосточчине: "Хорошим решением проблемы национальных меньшинств является создание Польши как однонационального государства". Ссылаясь на слова Б.Берута он аргументировал свое мнение тем, что "польские территории, заселенные белорусским и украинским населением, были очагом вечного беспокойства и войн".¹¹ Результатом целенаправленных действий белостокских властей в отношении белорусов явилось то, что белорусская проблема на Белосточчине, в соответствии логикой построения однонационального государства, «перестала существовать». Немного позднее, (в 1948 г.) староста Белостокского воеводства отвечая на вопрос о непольском населении писал: "Из национальных меньшинств на территории повета не осталось никого. Есть определенное количество людей, которые, возможно, прежде считались белорусами, однако в настоящее время в разных официальных ситуациях они подчеркивают свою польскость. Эти элементы, преимущественно, заселяют пограничные гмины в восточной части повета". Аналогичное, сообщал сокольский староста: "На территории нашего повета национальных меньшинств нет".¹² Несколько иная ситуация наблюдалась в Бельском повете, где, как отмечал староста, половина населения белорусы, однако, "заккрытие белорусских школ было явлением, смягчающим, национальные конфликты".¹³

Таким образом сложная, противоречивая общественно-политическая обстановка первых послевоенных лет развития Польши, привела к эскалации напряженности между белорусами и поляками Белосточчины, вызвала многочисленные жертвы с обеих сторон, способствовала утаиванию белорусами своей национальной идентичности, игнорированию со стороны польских властей минимальной национальной устремленности белорусов.¹⁴

На востоке от линии Керзона - в западных областях БССР белорусско-польской напряжённости были присущи свои, не менее сложные и драматические особенности. Одна из них заключалась в том, что в орбиту конфликта были втянуты поляки, которые не разделяли стремления подполья к установлению досентябрьской границы Польши и достаточно лояльно относились к советской власти. Однако в результате переселенческой акции они оказались внутри конфликта.

Анализ деятельности польского подполья и его влияние на переселение позволяет определить два периода этой деятельности, кардинально

¹¹ Миронович А. Выбор веры и судьбы // Нёман, 1994, № 11, С.86

¹² там же, С.89

¹³ там же, С.89

¹⁴ там же, С.96

отличающиеся один от другого. Первый период начался с момента объявления условий соглашения и начала работы по регистрации населения (октябрь 1944 г.). Он продолжался до Крымской конференции (4-11 февраля 1945 г.), на которой окончательно была определена советско-польская граница. Он характеризуется тем, что лондонское правительство и подполье не покидала надежда на возвращение восточной границы Польши до довоенного положения. Исходя из этого, подполье активизирует деятельность, направленную на запрещение полякам регистрироваться и выезжать в Польшу. После Крымской конференции, убедившись, что восточная граница Польши окончательно определена и пересматриваться не будет, тактика подполья меняется. Второй этап характеризуется тем, что подполье наоборот усиливает нажим с тем, чтобы все польское население регистрировалось и выезжало в Польшу.

С точки зрения советской власти влияние польского подполья являлось одной из главных причин записи поляков на выезд, особенно в сельской местности. В записке ЦК КП(б)Б "О состоянии работы Вороновского РК КП(б)Б Гродненской области по переселению граждан польской национальности из БССР в Польшу", подготовленной 15 июня 1945 г. отмечалось, что "по учету польского уполномоченного в Вороновском районе зарегистрировалось на выезд в Польшу 5812 хозяйств, или на 534 больше, чем имеется на учете. В них насчитывается 22 217 человек, или на 1852 больше чем есть в районе". ЦК КП(б)Б объяснял это тем, что "регистрация почти всего населения района для выезда из БССР в Польшу явилась следствием слабой массово-политической работы среди населения со стороны районной партийной организации, влиянием антисоветской агитации польских националистов, но главным образом, как результат запугивания населения со стороны польских националистических формирований"¹⁵. Аналогичное положение наблюдалось в Новогрудском, Любчанском, Клецком, районах Барановичской, Шарковщинском, Браславском, Видзовском, Миорском Полоцкой областей, где население "находилось под значительным влиянием Армии Крайовой".¹⁶

Внутри конфликта, принявшего также антисоветский и антибелорусский характер оказался партийно-советский, комсомольский, профсоюзный актив, депутаты всех уровней, активные сторонники советской власти. Политическое руководство республики ощутило и осознало опасность подполья буквально с первых дней, после освобождения Белоруссии. Так, 3 октября 1944 г. бюро ЦК КП(б)Б рассмотрев вопрос "О политической обстановке в Свирском и Островецком районах Молодеченской области" констатировало, что в "Свирском, Островецком и некоторых других районах Молодеченской и Барановичской областей в настоящее время сложилась довольно напряженная политическая обстановка.

¹⁵ НАРБ, ф.4, оп. 51, д. 11, л. 59

¹⁶ НАРБ, ф.788, оп. 1, д. 11, л. 188-189

Вооруженные группы польских националистов, насаждавшиеся немцами и реакционными кругами лондонского эмигрантского правительства, стали на прямой путь бандитизма - создают обстановку террора, запугивания населения, срывают мероприятия, проводимые органами советской власти. В результате, в отдельных районах работа практически парализована".¹⁷ На бюро также отмечалось, что в Свирском районе за август-сентябрь 1944 г. было убито 16 коммунистов и комсомольцев, в Островецком - 12. В Лидском районе с августа 1944 г. по май 1945 г. в результате террора подполья было убито 10 председателей и 2 секретаря сельских советов, 27 депутатов сельсоветов и уполномоченных, 28 районных активистов, 11 солдат и офицеров Красной Армии, 34 местных жителя.¹⁸ В связи с этим, ЦК КП(б)Б обязал НКГБ, НКВД усилить борьбу с "антисоветской деятельностью польских националистических организаций", а также разместить дополнительные воинские части в райцентрах Молодеченской, Барановичской, Гродненской областей, широко привлекать местное население в истребительные отряды по борьбе с подпольем и т.д. Опасность, исходившая от подполья, заставила политическое руководство республики обсудить эту проблему на февральском пленуме ЦК КП(б)Б (12-18 февраля 1945 г.). Пленум констатировал, что "В западных областях орудуют агенты лондонского эмигрантского правительства, которые разжигают антисоветские и националистические настроения польского населения, организуют банды из поляков, убивают наших работников и преданных советской власти крестьян, пробуют сорвать политические, хозяйственные и культурные мероприятия советской власти".¹⁹

Во многих случаях жертвами террора подполья становились не партийно-советские функционеры, простые крестьяне-белорусы. Гродненский обком партии сообщал в ЦК КП(б)Б, что "в конце октября - начале ноября 1944 г. бандиты с целью срыва хлебозаготовок начали убивать простых крестьян только за то, что последние полностью рассчитались с государством по хлебозаготовкам. Так, ночью с 28 на 29 октября 1944 г. в Гервенитском сельсовете в двух деревнях было убито 6 крестьян и сожжено три дома. В ночь с 13 на 14 ноября 1944 г. в деревне Мелеша, Тверимского сельсовета также убито два крестьянина, которые выполнили свои обязательства по сдаче хлеба перед государством".²⁰

Таким образом, совокупность многих факторов – международных, территориальных, политических, социальных и других, неизбежно привела и к национальной напряженности во взаимоотношениях белорусов и поляков, оказавшихся по обе стороны линии Керзона, которая была принята за основу советско-польской границы.

¹⁷ НАРБ, ф.4, оп.1, д.61, л.15

¹⁸ НАРБ, ф.4, оп. 42, д. 375, л.172

¹⁹ Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК, Минск, т.3, С.500

²⁰ НАРБ. Ф.4, оп. 42, д. 375, л. 60,

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ